

Меншиковские чтения
научный альманах

Санкт-Петербург 2013

С.А. К о з л о в

«МНЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ» В.М. ГОЛОВНИНА РОССИЙСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ИЗ ЯПОНСКОГО ПЛЕНА*

*Статья публикуется к 200-летию
освобождения шлюпа «Диана»
во главе с капитаном В.М. Головинным
из японского плена*

Публикуемый документ («секретная» записка) имеет авторский заголовок «Мнения и замечания капитан-лейтенанта Головина, кои недурно будет представить на рассмотрение правительства», обнаружен в рукописи В.М. Головина «Краткое описание наших приключений. Воспоминания в форме писем к другу, написанные во время пребывания в японском плену» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 30–44.), датирован 15 августа 1813 г., написан рукой В.М. Головина на сложенных вдвойне листах тонкой японской бумаги разного формата без филигранных: л. 30–41 об. — 17 × 24; л. 42–44 — 20,5 × 28.

Предыстория появления «секретной» записки русского мореплавателя и путешественника В.М. Головина такова. В начале XIX в. российское правительство стремилось установить взаимовыгодную торговлю с Японией и одновременно настойчиво добивалось укрепления позиций в районах территориального сближения обоих государств — на Сахалине и Курильских островах. Однако дипломатическая миссия во главе с камергером Н.П. Резановым, отправившаяся в Японию в составе первой кругосветной экспедиции россиян 1803–1806 г., закончилась провалом. Японская сторона категорически заявила: посольство император принять не может, торговли не желает и просит, чтобы русская миссия покинула страну. В 1807 г. командир фрегата «Юнона» лейтенант Н.А. Хвостов и командир тендера «Авось» мичман Г.И. Давыдов в ходе экспедиции на Курильские острова, организованной Российско-американской компанией, предприняли самовольные акции устрашения (обстрел сторожевого поста, захват японской крепости, разорение и поджоги построек, взятие в плен местных жителей), а также предъявили ультиматум японскому правительству с угрозой «за дальнейшее упрямство» лишить «северных владений», что окончательно свело

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-01-00022.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

на нет дипломатические усилия российских властей. По мнению Д.М. Зайцева, действия Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова породили в японском обществе своеобразный «русский комплекс»: среди правящей элиты Японии сформировалось устойчивое мнение, что Россия всегда будет угрожать Японии. Концепция постоянной готовности к войне легла в основу дальнейшей политики Японии в отношении России¹.

Российские ведомства продолжили снаряжать экспедиции для описания «малоизвестных земель Восточного края Российской империи». Одна из них 25 апреля 1811 г. на шлюпе «Диана» отправилась к Курильским островам. Командиром экипажа был назначен капитан-лейтенант Василий Михайлович Головнин. Выпускник Морского кадетского корпуса (1793), он участвовал в совместных крейсерских действиях российского и британского флота против французских военных кораблей в Северном море (1798–1800) и с 1802 г. находился на стажировке (вместе с 29 другими русскими офицерами) в Великобритании. В.М. Головнин побывал в Вест-Индии, участвовал в боевых действиях британского флота против франко-испанской эскадры (1803–1805) — в блокаде Кадиса и Тулона. В 1806 г. русский морской офицер вернулся на родину с рекомендациями адмиралов Г. Нельсона и К. Коллингвуда, которые отмечали его бесстрашие и боевое мастерство².

Вскоре В.М. Головнина назначили командиром шлюпа «Диана» и направили в экспедицию к русским владениям в Северной Америке (1807–1809). У мыса Доброй Надежды корабль был задержан англичанами до получения специального указания из Лондона. Запасы провианта на «Диане» подходили к концу, но англичане отказывались снабжать экипаж судна продовольствием. И тогда В.М. Головнин решился на побег. 16 мая 1809 г. команда «Дианы» в сумерках поставила все паруса, снялась с якоря и вышла в открытый океан, взяв курс на Камчатку. Вспоминая об этом событии, В.М. Головнин отмечал: «Таким образом кончилось наше задержание или, лучше сказать, наш арест на мысе Доброй Надежды, продолжавшийся один год и 25 дней»³.

По прибытии в Петропавловск-Камчатский В.М. Головнин получил известие о награждении его в 1807 г. орденом Св. Георгия «за 18 морских кампаний». 26 февраля 1810 г. он был произведен в капитан-лейтенанты, а также награжден орденом Св. Владимира 4-й степени «за отличную службу и сохранение с отплытия до Камчатки здоровья людей и богатого груза»⁴. Во время «зимовок» на полуострове (с 23 сентября 1809 г. по 22 мая 1810 г. и с 14 сентября 1810 г. по 25 апреля 1811 г.) В.М. Головнин занимался исследованием Камчатки.

К новой экспедиции В.М. Головнин тщательно подбирал экипаж «Дианы». Помощником капитана был его друг и соратник, капитан-лейтенант П.И. Рикорд. Сын обрусевшего итальянца из Ниццы, он вместе с В.М. Головниным учился в Морском кадетском корпусе, затем проходил службу на российских военных кораблях и стажировку на британском флоте. Штурманские обязанности возложили на А.И. Хлебникова. Лейтенант И. Рудаков и мичман Ф.Ф. Мур проявили себя знающими свое дело моряками.

Первостепенное значение В.М. Головнин придавал снаряжению и оснащению «Дианы», которая была переоборудована в шлюп (небольшой трехмачтовый парусный корабль) из обычного лесовоза. Как заметил Н.М. Дружинин, неуклюжий и тихоходный, он получил от своего командира ироническое прозвище «ковчег». Но у этого «ковчеха» были свои преимущества: он оказался очень покойным и в самые опасные бури легко поднимался на гребне вздымающихся и бушующих валов⁵.

Результаты исследований В.М. Головнина оказались впечатляющими: была составлена карта островов и собраны сведения о них. 17 июня «Диана» подошла к западной стороне северной оконечности острова Итурупа, чтобы запастись провизией, дровами и пресной водой, запасы которых на шлюпе подходили к концу. Японцы с недоверием отнеслись к команде

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

«Дианы» и сомневались в мирных целях экспедиции. Местный начальник объявил, что у него «нет ни дров, ни хорошей воды», и посоветовал русским морякам отправиться за провизией в селение Урбитч на западном побережье Итурупа⁶.

5 июля российский шлюп вошел в гавань Кэмурай на южном побережье о. Кунашира. Японцы встретили его пушечной пальбой с батареей открывшегося небольшого укрепления, по причине чего «Диану» пришлось поставить на якорь подальше от крепости, а затем капитан отправил вооруженные шлюпки на берег за пресной водой. Весь день матросы находились в селении и японцы не препятствовали им, ограничившись лишь наблюдением за их действиями. 10 июля запасы дров, провизии были пополнены и матросы залили пресной водой последние пустые бочки. «Диана» могла беспрепятственно покинуть японские берега, а экипаж более двух месяцев продолжать изучение Курильских островов и Сахалина, не вступая в непосредственные контакты с японцами, но В.М. Головин решил «переговорить с ними».

11 июля капитан «Дианы» на шлюпке направился на берег южного побережья Кунашир в местечко Дзэбэкотан у селения Томари (ныне Головинно). С собой он взял мичмана Ф. Мура, штурмана А. Хлебникова, переводчика курильца Алексея и матросов Д. Симонова, С. Макарова, М. Шкаева и Г. Васильева. Впоследствии В.М. Головин в «Записках» называл эту поездку к японцам «днем ошибкой». К серьезным просчетам капитана «Дианы» следует отнести его приказ «не брать с собой никакого оружия» и решение вытащить шлюпку до половины на берег, оставив при ней лишь одного матроса.

После первых приветствий и «учтивостей» моряков стали «потчевать» чаем, лакомствами, принесли им трубки и табак. Затем японцы начали расспрашивать, «зачем пришли к ним, какие причины заставили русские суда напасть на их селения». В.М. Головин осудил инцидент 1806–1807 г. и всячески подчеркивал непричастность российских властей к «грабительству» японских факторий, совершенных на судах Российско-американской компании. Японцы стремились всячески усыпить бдительность русских моряков «ласковым обхождением» и щедрым угощением. Когда же капитан «Дианы» сообщил, что ему пора возвращаться на корабль, то услышал в ответ от местного начальника, что до получения решения матсмайского губернатора один из русских должен оставаться в крепости аманатом, т. е. в качестве заложника.

Дальнейшие события В.М. Головин описывал так: «Мы в ту же секунду бросились бежать из крепости, а японцы с чрезвычайным криком вскочили со своих мест, но напасть на нас не смели, а бросили нам под ноги весла и поленья, чтоб мы упали. Когда же мы вбежали в ворота, они выпалили по нас из нескольких ружей, но никого ни убили и не ранили»⁷. Мичмана Ф. Мура, матроса С. Макарова и переводчика курильца Алексея схватили в самой крепости. Остальные добрались до шлюпки, но из-за морского отлива она оказалась на мели и «стащить ее на воду» было невозможно. Японцы окружили моряков и всех задержали.

Капитан-лейтенант П.И. Рикорд, принявший командование «Дианой», с палубы шлюпа наблюдал «в зрительную трубу» за драматическими событиями на берегу и приказал немедленно поднять паруса, сняться с якоря, направиться к крепости для вызволения товарищей из плена. Но как только «Диана» приблизилась к берегу, японцы из гарнизонных батарей открыли огонь по кораблю. Со шлюпа отвечали: выпустили по крепости около 170 ядер и подавили одну японскую батарею. Однако из-за малочисленности команды высадка десанта для взятия крепости штурмом неминуемо привела бы к гибели экипажа и захвату «Дианы».

12 июля команда «Дианы» «общим мнением» решила направиться в Охотск «для донесения» о случившемся «высшему начальству». 14 июля «Диана» покинула Кунаширский

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

залив, названный офицерами «заливом измень», и через 16 дней плавания шлюп прибыл в Охотск. Начались изнурительные бюрократические согласования по вопросу об организации экспедиции для освобождения из японского плена капитана «Дианы» В.М. Головнина и других членов экипажа корабля.

Русские моряки испытали на себе всю тяжесть японской неволи. Пленников переправили с Кунашира на остров Матсмай (Хоккайдо), где они продолжили свой путь до г. Хакодате, оттуда их перевезли в г. Матсмай. Здесь русских пленных заключили в тюрьму — деревянный сарай, посредине которого стояли две клетки. Офицеров заперли в одну клетку, матросов в другую. Подле решетки сарая с наружной стороны находилась караульня, в которой постоянно сидели по два японских солдата. Допросы следовали один за другим, и «опросные пункты» доводили пленников до полного изнеможения. В.М. Головнин добился у японских властей права отвечать в основном на вопросы о плавании «Дианы» и приступил к собственноручному описанию «всего дела». Бумаги с показаниями русских пленных были подготовлены, но японский закон требовал обязательное наличие подписей двух исполнителей. По указанию губернатора к капитану «Дианы» прикрепили молодого японца Мураками Теске для обучения его русскому языку, чтобы затем «они вместе могли проверить перевод». М. Теске проявил незаурядные способности к языкам и быстро научился читать и говорить по-русски.

В феврале 1812 г. В.М. Головнину сообщили, что японское правительство приказало обращаться с узниками, как со шпионами, и захватывать все приходящие российские корабли. У русских моряков не оставалось иной надежды получить освобождение, кроме как совершить побег, и В.М. Головнин занялся его подготовкой. Предполагалось совершить побег из тюрьмы ночью, добраться до берега, захватить судно и плыть до Камчатки.

Матросы наравне с офицерами обсуждали подробности плана побега. Неожиданным препятствием для осуществления замысла стало поведение мичмана Ф.Ф. Мура. Воспитанник Морского кадетского корпуса, он вместе со всей командой «Дианы» разделил тяготы длительного плавания. Однако Ф.Ф. Мур отказывался бежать, приняв «твердое намерение ожидать своей участи в заточении». Мичман перестал называть себя русским. Будучи сыном австрийского немца, служившего в Российской империи и женатого на русской, он тем не менее уверял японцев, что «вся родня его живет в Германии». Ф.Ф. Мур хотел поступить к ним на службу в качестве переводчика с европейских языков. Пленные русские моряки осознали насколько «опасным человеком» стал Ф.Ф. Мур и поэтому всячески спешили «с исполнением своего предприятия»⁸.

В ночь с 23 на 24 апреля 1812 г. русские моряки, произведя подкоп под стены, совершили побег из тюрьмы. Не зная местности, беглецы упорно шли наугад по ночам пустынными горными тропинками, а днем прятались в лесу. Они натыкались на нагромождения скал, покрытые снегом, и всячески старались обойти подобные преграды. Беглецы вышли к морю и прошли вблизи нескольких селений, где видели неохранные лодки, которые на поверку оказались непригодными из-за своих малых размеров. Десять дней беглецы провели на свободе, пока не были схвачены японскими солдатами, которые все это время шли по их следу. Под «крепким конвоем» шестерых беглецов привели обратно в Матсмай и поместили в городской тюрьме.

В то время, когда пленники томились в японской неволе, капитан-лейтенант П.И. Рикорд, принявший командование «Дианой», по возвращении в Охотск предпринимал отчаянные усилия по организации экспедиции для их освобождения. Наконец 9 апреля 1812 г. последовало «монаршее повеление» о снаряжении экспедиции для выяснения судьбы пленных русских моряков и их освобождения мирными средствами⁹. 22 июля 1812 г. шлюп «Диана» и

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

бриг «Зотик» (со взятыми для обмена семью японцами) отправились на Кунашир и 28 августа вошли в «залив измень» (Кунаширскую бухту). Было решено направить на берег с кратким письмом к местному начальнику одного из привезенных японцев. Возвратившись на «Диану» через три дня, последний сообщил, что был представлен начальнику, попытался вручить ему «письменную записку», но тот отказался ее принять.

7 сентября русские моряки задержали торговое судно «Кансэ-мару», которое шло с Итурупа в Хакодате. Капитана и владельца судна доставили на «Диану». Звали его Такадая Кахэй, и был он богатым купцом, владельцем торгового дома. П.И. Рикорд принял решение вернуться на зимовку на Камчатку и взять с собой японского купца, который жил (как почетный гость) в капитанской каюте и столовался за одним столом с офицерами. 3 октября 1812 г. «Диана» и «Зотик» вошли в Петропавловскую гавань.

Если Такадая Кахэй и японские матросы находились в России на положении почетных пленников и не подвергались тюремному заключению, то В.М. Головнину с русскими моряками пришлось перенести еще одну тяжелую зиму на Хоккайдо. Их держали в заточении в холодных клетках отторгнутыми от окружающего мира и от родины. 27 марта 1813 г. В.М. Головнин и его сотоварищи были представлены новому матсмайскому губернатору и получили заверения, что их дело закончится хорошо. Российских пленных обязали обучать русскому языку приехавших из Эдо ученого и переводчика и отвечать им на все, о чем они станут спрашивать. Капитан «Дианы» написал для японских переводчиков «Краткую грамматику русского языка», потратив на это четыре месяца.

Русские моряки с нетерпением ждали прибытия российского корабля для освобождения их из плена. «Диана» прибыла к оконечности острова Кунашир 18 июня и стала на якорь в «заливе измень». Такадая Кахэй курсировал между шлюпом и японским селением. Команда узнала от знатного японца, что все русские пленные живы и здоровы. 7 июля 1813 г. японский купец привез на «Диану» пленного матроса Д. Симонова, на которого выпал жребий. Это была инициатива В.М. Головнина, не желавшего отдавать кому-либо предпочтение, чтобы никого не обидеть. Оставшись в каюте наедине с П.И. Рикордом, матрос вручил ему исписанный лист тонкой бумаги, который он искусно свернул и «скрыл от хитрых японцев» в воротнике своей куртки. Это было письмо-предостережение В.М. Головнина, написанное им 10 апреля 1813 г. в тюрьме г. Хакодате. В своем послании плененный капитан «Дианы» призывал «не полагаться на сомнительную искренность японцев» и при переговорах быть крайне бдительными, съезжаться на шлюпках «далее пушечного выстрела от берега», а также проявлять терпение, соблюдать учтивость и не сетовать на медлительность переговорщиков «в решениях и ответах»¹⁰.

Кроме «тайного» письма, П.И. Рикорд получил послание матсмайского представителя, в котором были изложены условия освобождения пленных моряков: во-первых, требовалось засвидетельствовать «официальным листом», что Н.А. Хвостов совершал «законопротивные поступки» на Курильских островах и Сахалине без ведома российского правительства; во-вторых, следовало возвратить захваченные им военные трофеи, а если их уже не сыскать, то необходимо было подтвердить это «особым свидетельством» начальника Охотска¹¹. П.И. Рикорд заверил переговорщиков, что незамедлительно доставит «требуемое объяснение» для освобождения из плена русских моряков.

С отплытием экипажа «Дианы» в Охотск за бумагами («свидетельствами и объяснениями») для японского правительства растаяли надежды В.М. Головнина и его сотоварищей на скорое освобождение из плена и вновь усилились их подозрения в коварстве японцев и опасения, что П.И. Рикорда и экипаж «Дианы» после возвращения также постигнет участь пленников. В.М. Головнин решил написать еще одно письмо-предостережение и передать

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

Ил. Изображение японского караульного дома. Лист из «Атласа к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна». СПб., 1813

его «скрытно» «от хитрых японцев» П.И. Рикорду, когда он возвратится с «ответным посланием» из России. Свою «секретную» записку В.М. Головнин назвал «Мнения и замечания» и адресовал их российскому правительству. Он воспользовался тем, что японские чиновники обязали его написать для переводчиков «Краткую грамматику русского языка», и поэтому каждый лист «Мнений и замечаний» предварял заголовком, относящимся к грамматике русского языка: в рукописи на л. 32 написано по центру — «причастие», на л. 34 — «наречие», на л. 36 — «предлог», на л. 38 — «союз», на л. 40 — «междуметие», на л. 42 — «склонение имен существительных», на л. 44 — «о спряжении глаголов». Записка была написана на сложенных вдвойне листах тонкой японской бумаги, при этом разворот оставался чистым. Все это позволило усыпить бдительность тюремных охранников и Ф.Ф. Мура, который, по словам капитана, «ищет случая всех погубить и войти в доверенность и милость к японцам»¹².

В.М. Головнин так объяснял причину, побудившую его написать «секретную» записку: «Если бы я был в России, то, конечно, не осмелился бы предлагать свои советы правительству, но я теперь в японской тюрьме, и надежда возвратиться в Россию едва-едва для меня мелькает. Я житель другага света и со дня на день готовлюсь отправиться в общий всем свет, но люблю свое Отечество и любить до смерти не престану... Что японцы сделали бы со мною по прочтении сих бумаг, всякой легко судить может по их содержанию, но я, решась сколько-нибудь быть полезным моему Отечеству, хотя при последнем конце моей жизни, все презираю»¹³.

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

«Мнения и замечания...» В.М. Головнина отличались резкостью в оценках и суждениях. Русский капитан убеждал правительство в Санкт-Петербурге, что «за захват командира военного судна... Россия имеет самую справедливую и законную притчину наказать Японию»¹⁴. С откровенностью «человека, который приготовил себя на тот свет», В.М. Головнин призывал российские власти начать войну с Японией с целью ее устрашения, как акт возмездия за захват в плен моряков «Дианы». В «секретной» записке русский офицер демонстрировал поразительную осведомленность для пленника и сообщал о том, что «японские крепости не имеют ни рвов, ни наружных палисадов, ни наружных укреплений»; на Матсмае (Хоккайдо), «по берегам», живут «около ста тысяч» японцев, на Курильских островах и на Сахалине насчитывается около четырех тысяч японских солдат и т. д.¹⁵.

Наконец 27 сентября в Хакодате прибыла «Диана» с ответными посланиями от начальника Охотского порта М.И. Миницкого и иркутского губернатора Н.И. Трескина. По повелению матсмайского губернатора В.М. Головнину было объявлено, что бумаги, привезенные П.И. Рикордом, признаны «совершенно удовлетворительными», и поэтому решено освободить пленных. 5 октября В.М. Головнин после долгой разлуки встретился на берегу с П.И. Рикордом. Последний вспоминал о первых минутах долгожданной встречи следующим: «Капитан Головнин сообщил мне в коротких словах о страданиях своих во время его плена, а я, со своей стороны, известил его обо всем том, что знал о любезном нашем Отечестве, о родных и друзьях его»¹⁶.

Переводчик М. Теске передал экипажу «Дианы» прощальную записку на русском языке. В нескольких строках он выразил чувства, охватившие его, — радость от освобождения моряков из плена и горечь разлуки с ними. Обращаясь к В.М. Головнину и русским офицерам П.И. Рикорду, Ф.Ф. Муру, А.И. Хлебникову, «другим господам», японский переводчик трогательно восклицал: «Прощай искренны друг. Разумите мое сердцу, а протчие невозможно сказать от сожалею разстаться»¹⁷.

14 октября при выходе в открытое море «Диану» настиг сильнейший ураган, продолжавшийся 6 часов. Экипаж корабля «ежеминутно ожидал гибели», до тех пор пока буря не утихла. 3 ноября 1813 г. шлюп благополучно прибыл в Петропавловскую гавань. Радость возвращения морякам «Дианы» омрачило самоубийство мичмана Ф.Ф. Мура. Японцы не приняли его на службу и отправили вместе с остальными освобожденными из плена моряками на родину. Офицеры «Дианы» на месте погребения Ф.Ф. Мура в Петропавловске поставили на собственные средства памятник «заблудшему» сослуживцу. Эпитафия на памятнике гласит: «В Японии оставил его провождавший на пути сей жизни ангел-хранитель. Отчаяние ввергло его в заблуждения. Жестокое раскаяние их загладило, а смерть успокоила несчастного. Чувствительные сердца! Почтите память его слезою»¹⁸.

После возвращения русских моряков из плена на родину «Мнения и замечания» капитана «Дианы» остались в его личных бумагах. В последующем В.М. Головнин и П.И. Рикорд выступали с предложением организации новой экспедиции в Японию с целью установления торговых отношений между странами, но не получили поддержки у Морского министерства. Официальные межгосударственные отношения между Россией и Японией были установлены лишь в 1855 г. подписанием Симодского договора. 7 августа 1858 г. на основе принципа наибольшего благоприятствования был заключен русско-японский договор о торговле и мореплавании.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

1813 г. августа 15. — «Секретная» записка капитана шлюпа «Диана» В.М. Головнина российскому правительству из японского плена¹⁹

л. 30

Мнения и замечания капитан-лейтенанта Головнина, кои не дурно будет представить на рассмотрение правительства

1

Россия имеет самую справедливую и законную притчину наказать Японию.

1-е. Японцы заселили острова, издавна бывшие в зависимости России.

2-е. Послу дали весьма оскорбительный ответ, запретили судам нашим и в бедствии к ним заходить, угрожая людей взять, а суда сжечь, от чего подвергли мореплавание наше на здешних морях крайней опасности, ибо судно в несчастье должно тонуть, не будучи в состоянии прибегнуть к помощи соседственной державы.

3. Обманули и захватили командира военного судна, и потом на дружеские предложения не смотрят, а продолжают обманывать и хитрить (сие разумеется, если обман с их стороны теперь есть, впрочем, неизвестно еще точно).

2

Россия от войны с Япониею ничего не потеряет, выиграет очень много, ибо завладев Матмаем²⁰, по необходимости все острова, к северу от него лежащие, нам подпадут. А из Матмая скоро можно принудить японцев внимать гласу здравого разсудка и принудить их войти с нами в дружбу и торговля сношения.

3

Завладеть Матмаем и удержать его за собою весьма нетрудно, для сего только нужно принять в разсуждение следующее.

1-е. Хагудадей порт²¹ на несколько часов ходу к востоку от Матмая; в нем гавань прекрасная и безопасная, но когда не мерзнет; он командует всем проливом Сангарским, ни одно судно в проливе показаться не может, чтобы из сего порта было не видно^a. //

л. 31 об. 2-е. По местному положению гавань сию с небольшими издержками и трудами можно привести в почтение даже для европейских сил, укрепясь на мысу, где теперь стоит японская крепость; соседственная^b гора, низменность и перешеек имеет сходство с Гибралтаром, воды тут много.

3-е. Взять оную у японцев очень легко, для сего более не нужно как человек тысячу или полторы салдат и смелого начальника, ибо японския крепости не имеют ни ровов, ни наружных палисадов, ни наружных укреплений. Палисад их настоящей, забор стоит на валу, в котором в досках прорезаны дыры для орудий; вал вышиною сажени 2½ или 3, и отлогость так велика, что салдаты, поддерживая себя ружьями, тотчас могут взобраться наверх, а палисад так низок, что они, подсаживая друг друга, могут перелесть, однако ж на всякой случай не мешает иметь с собою лесницы.

4-е. Японских салдат много, но они величайшие трусы. Нас шесть человек шли девять ночей берегом. Они следовали за нами и ставили по следам тычки, как то мы после увидели, но напасть ночью на нас не смели, а днем мы прятались в горах. Их шло за нами множество с ружьями, стрелами и пиками; при том они знали, что наше оружие состояло в четырех небольших ножах и в заостренных палках.

^a В ркп л. 30 об., 31 чистые.

^b В ркп далее зачеркнуто крепость.

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

5-е. Японцы с саблями или с ружьями в руках не страшны, но когда они бросят оружие и станут ползать, извиваться и скалить зубы, тогда берегись их; и потому все, кто будет против их употреблен, даже до последнего салдата, должны знать это, что они в разсуждении пленных и при пленении могли брать нужные предосторожности.

6-е. На японцев надобно нападать ночью, чтобы они не могли видеть числа людей, и с большим криком, а если обстоятельства // позволят, то в двух или трех местах, открыв через несколько минут одно нападение после другого. Это приведет их в ужасное смятение, и смело можно надеяться, что они, несмотря на число их, побегут, как овцы.

7-е. У японцев обыкновение по приходу в порт подозрительного судна тотчас свозить туда солдат из всех мест, а потому нападение должно сделать в первую по приходе ночь, буде ничто не попрепятствует.

8-е. По японским законам, кроме чиновников и салдат, ни один гражданин не имеет права иметь у себя в доме какое-либо оружие, а потому у них никто никаким оружием и действовать не умеет. При том страх как бояться огнестрельного оружия, и потому сколько бы их селения многолюдны ни были, но оне не сильны. По разным известиям, много от наших краульных слышанных, на всех Курильских островах и на Сахалине салдат около 4-х тысяч, а жителей японцев и курильцов, по словам старшаго бывшего при нас переводчика, на одном Матмае около ста тысяч, кои все обитают по берегам.

9. Курильцы ненавидят японцев и при первом нашем успехе готовы будут с нами соединится.

10. Кагда мы завладеем Хагудадеем, следовательно и Сангарским проливом, тогда весь Матмай и все другие Курильские острова наши; стоит только послать несколько судов выжечь все селения по берегам — а внутри острова и селений нет совсем никаких или весьма мало, — а потом крейсировать для перехватывания судов. Японцы на Матмае без подвозу провизии с главнаго их острова Нифона²³ существовать не могут, рыбные же* // их промыслы с истреблением селений уничтожатся, л. 33 об. и потому они сами принуждены будут оставить остров.

11-е. На Матмай первое нападение должна сделать в Хагудадее. Полторы или две тысячи салдат и матроз вместе могут вмг взять сию крепость без малейшаго сопротивления и без всякой важной потери. Кроме предприимчивости ничего и более ненужно — напасть хорошо с восточной стороны от горы и из гавани, через город пройди. Положение крепости таково, что гарнизон не может вредить нападающим, пока не пойдут они к самому основанию вала. В сей гаване бывает множества судов с съестными припасами и с разными товарами. Тут верно можно в магазинах захватить провизии на несколько лет для пяти тысяч людей, а из японских материй и ваты можно будет для салдат и матроз шить летнее и зимнее платье, несмотря на форму, а на удобность и выгоду, и тем заменить обмундировку из России. Сверх того, тут есть много железа и лесу годнаго для починки судов и всего нужнаго.

12. Взяв Хагудадей, Матмайскую крепость нет надобности брать, а выжечь город только должно, что весьма легко сделать, высадить человек триста у восточнаго края города. Здесь при W, NW, N и NO ветрах буруна нет и вода тиха, как в озере; шлюбки могут подъехать вплоть к берегу, а японцы в поле неприятеля никогда не встретят. Мы это знаем опытом, когда нас захватили в Кунашире, там было, по крайней мере, около 400 человек солдат, кроме курильцов, но мы съезжали // за водою в числе 20 и 25 человек; местоположение при горе, покрытой лесом, л. 34

* В ркп л. 32 об., 33 чистые.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

позволяло им выгодно на нас напасть, однако ж они не осмелились этого сделать. О другом примере крайней их трусости я выше упоминал. При том японцы так тяжело одеты и вооружены, что совсем почти не могут бегать; сверх того, они страх как боятся пушек, сделав несколько выстрелов вдоль улицы, жители верно все уйдут в горы, а чиновники и солдаты запрутся в крепость и не помешают нисколько забрать из города все нужное, и потом сжечь его и суда у берега стоящих.

13-е. Японския крепости, хотя стоят иногда на высоких местах, но к ним ведут дороги хорошие и нетрудныя, а притом кругом их, после самага вала, идет дорога, которая почти всегда бывает алеєю с вольной стороны, будучи обсажена высокими и толстыми деревьями, что весьма много способствует к нападению на оныя, ибо гарнизон не может врезаться нападающим, пока они не полезут на стены.

14-е. Если обстоятельства заставят напасть на Матмайскую крепость, то надобно атаку сделать с восточной, южной или северной стороны, а с западной она стоит подле утеса, между коим и стеною есть ров водяной или, лутче сказать, пруд, но с протчих сторон крепость обсажена деревьями, и доступ к ней очень легок из города. Город же не укреплен, а по берегу местях в четырех стоят платформы, окруженные простой, деревянною решеткою; на них есть две пушки. Решетки сии, как и всю крепость, японцы обвешивают бумажною материею, когда приходят к ним чужия суда.

15 об. 15-е. Взятием Хагудаея и истреблением по берегу селений и судов японцам причинится несказанный вред. Теперь // всякое лето у них несколько сот судов возят отсюда разного рода рыбу, ракушки и морскую капусту, и тем кормят многие миллионы людей, но тогда это все вдруг прекратится. Удар сей можно им нанести в два или три лета, в которое время начальников, взятых в Хагодае, должно свозить в Питербург и дать им полное понятие о великости и силе России, ибо по сие время правление их, начитавшись одних старинных голандских книг, весьма ниско об нас думает, а привезенным к ним от нас японцем не верит, считая их несмысленными людьми или подкупленными. С пленными их начальниками должно обходиться ласково и содержать их весьма хорошо, а года через три отправить их назад с предложением, объяснив им, что Россия никогда не хотела взять Японию или лишить ее²¹ части их владений, но они сами подали притчину к войне своими безчеловечными поступками, и если они желают быть с нами в дружбе приличной соседственным народам и будут торговать, тогда не только что война прекратится, но и опять позволят им заселить Матмай и другие Курильские острова и производить на них свои промыслы, а Россия удержит только за собою Хагудаея и исходящуюся при нем долину для скотоводства и огородов. Долина сия в окружности верст 25 или 30 с одной стороны граничит морем и гаванью, а с протчих — высокими горами. Она весьма плодородна, в садах мы видели яблоки, груши и дули²³, а в поле сорачинскую крупу²⁴, коноплю и табак, огородных же овощей множество. Луга для скота прекрасные, воды — множество ручьев, а горы защищают ее от всех холодных ветров, и что Хагудаея удерживается для того только, чтоб японцы сами приходили в сей порт для торговли, а нашим судам строго будет предписано их не беспокоить и к // владением их без нужды не приходиться. Между тем, ожидая их ответа, военныя действия прекращать не должно, а можно производить по малым островам в разных пунктах.

16-е. Если японцы на предложение согласятся, то Хагудаея нужно укрепить хорошенько на случай японскаго коварства и иметь в нем гарнизон человек в тысячу или более и всегда одно или два военные судно, ktorон по дешевизне провизии

²¹ ркп л. 34 об., 35 чистые.

²² ркп вписано над строкой по зачеркнутому ибо.

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

здесь содержать будет недорого, а польза от торговли преобладающая последует, при том в долине можно развести скотоводство большее и даже лошадей для человек сот двух конных, которые бы могли занимать посты по долине и охранять людей, приставленным к скотоводству, садам и огородам.

17-е. Но если японцы отвергнут предложение, то войска можно увеличить до пяти тысяч человек и более; построить в Охотске несколько браков²⁵ или шкун с веслами, которые вместе с большими судами должны чинить поиски по берегам главного острова Японии. Они могут доставлять провизию и материалов в несколько раз более, нежели сколько нужно для продовольствия и обмундировки войск; не надобно только смотреть на форму.

18-е. Все японские берега усеяны селениями, ибо после пшена морския произведения составляют главную их пищу. Такое множество селений укрепить и защищать невозможно. Доступ к ним с моря свободен, притом все товары, так как и съестные припасы, из одного места в другое персводятся морем в летние месяцы, а зимою японцы боятся плавать, да и не могут. Из сего легко понять можно, какие ужасные последствия будут для них, когда наши летом станут крейсировать у их берегов², // усердно исполнять свое дело.

л. 37 об.

19-е. Даже самую столицу их можно в несколько дней выжечь до основания посредством 5 или 6 мартир. По словам японского переводчика Теске, Эддо²⁶ стоит на самом берегу большого и совершенно безопасного залива. Вход в него неширок, и по сторонам стоят крепостцы, но сколько я обиняком выведавать мог, то, кажется, пройти им неопасно, а особливо приняв в разсуждение японское военное искусство. Строеие в Японии все сплошь деревянное и улицы уския, то долго ли такой город истребить. К ZW от столицы, верстах в 400-х, на том же берегу стоит самой главной торговой город Осага при большом и безопасном заливе. Если его нельзя будет взять, то также можно выжечь, и такой же участи подвергнуть несколько еще больших приморских городов.

20-е. Надобно здесь заметить, что японцы считают свои силы числом салдат, а не способностями их. Мы видали между ими множество стариков, даже в 70 лет, и мальчиков в 14 лет, а такая дряхлость и слабость едва ли не одну треть составляет.

21-е. Пленных японцев, а особливо чиновников и штурманов, должно спрашивать строго и порознь, но верить им осторожно, не худо на всех крейсерах иметь по одному или по два таких людей, а что они будут говорить — сообщать друг друг, и делая сравнения, выводить свои заключения.

22. В переговорах с японцами должно брать все возможные осторожности, ибо вероломство против неприятеля // у них почитается военным искусством, а в сей л. 38 части они превосходят все другие народы в свете.

23-е. В Японии более 200 владетельных князей, из коих многие очень сильны, но они все подчинены одному государю и правлению, которое так подзрительно, что княжеские жены и дети живут вечно в столице, а князья сами погодно — год в столице, а год в своем владении. Бумаги, из чужих мест получаемые, им никогда не показывают. При нас были в карауле салдаты князя тцынгарскаго²⁷, но им не позволено было с нами говорить, да иногда японские чиновники об чем нас спрашивали, то их никогда тут не пускали, а окружали нас салдаты самага государя, те свободно с нами говорили. Из сего видно, что с князьями сносятся нашему правлению трудно очень. Впрочем, мы знаем, что прежде многие из них против государя возставали, да слышали, что и теперь

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

есть немало недовольных. О сем предмете можно будет от пленных узнать. В короткое время нельзя, но в несколько лет, может быть, удастся произвести два или три независимых правления. А также и владетель Кореи, будучи данником японского государя, может быть, откажется от него, если Россия сыщет средства предложить ему помощь судами и склонить его; равным образом есть еще большие острова к З от Японии, называемые здесь Джю-ю-кю. Там особой народ, другой язык и свой государь, но порабощены японцами. Сначала предложение л. 39 об. делать им будет без успеха, но сделав* // важное впечатление на Японию, когда слух дойдет до них о японской потере, тогда можно будет. Для сего недурно с самого начала из первых пленных выбрать люд поумнее и за награду назначить их учить несколько молодых способных студентов японскому языку, которые после могли бы служить переводчиками, а сверх того, можно попробовать не существуют ли между пленными такие же Муры, как наш, которые бы решились отказаться от своего Отечества.

24-е. Если мичман Мур и штурман Хлебников возвратятся в Россию без меня, то слова их будут подозрительны. Будучи здесь настрашены заключением нашим, они представляют себе японцев весьма сильным и страшным народом, но в самом деле они только многочисленный народ. Когда мы о сем предмете разговаривали, сначала толка всегда утверждали, что Россия не может ничего им сделать. Я говорил им с дружескою откровенностию мои мысли так, как своим соотечественникам и офицерам, но после Мур грозил мне, что он объявит об моих словах японцам. И действительно бы он это сделал, если бы не боялся, что подозрительность японцев заставит их думать, что он и сам одних со мною мыслей, только теперь скрывает их и хитрит, но в России скажет правду, и потому ему со мною одна участь будет. Господин Хлебников также погрозил мне один раз, что скажет им о моих словах, когда я говорил, что если бы правление наше назначило мне л. 40 пять тысяч пансионну, // то я бы на небольшом фрегате описал все гавани и порты кругом Японии, войдя в каждую из них, где вода позволит. Это сказал я моим товарищам в доказательство, сколь японцы страшны в моих мыслях, но после угрозы их я им не противоречу, а боюсь только, чтобы они не солгали и не обманули правительство наше, буде без меня возвратятся. Впрочем, я думаю, что они не лукавят, но от чистаго сердца боятся японцев и считают их страшными.

4-е

К действию против Японии, по-моему мнению, приступить должно таким образом.

1-е. Войну сию в Европе хранить пока можно в секрете, чтобы кто из европейских государств не предложил своих услуг японцам.

2-е. В Кронштадте приготовить от 10 до 15 судов величинаю тонов от 400 до 500, постройкою похожих на английские вест-индские суда, чтобы пушки (числом от 16 до 18 коронад²⁸)³ стояли на верхнем доке, а внизу было бы просторно; офицеров и всех людей вообще было бы на них от 50 до 60 человек.

3-е. Провизию снабдить их месяцев на десять, но погрузить в них сколько возможно более всех нужных военных снарядов как для крепости, так и для военных судов, а также пушки, фуры и весь тяжелой экипаж для войск и, сверх того, достаточное количество плотничных и других мастерских инструментов". //

* В ркп л. 38 об., 39 чистые.

³ В ркп далее зачеркнуто была.

" В ркп л. 40 об., 41 чистые.

4-е. Суда сии должны отправится в мае и июне не все вдруг, но по два или л. 41 об. по три вместе, и так плыть до самой Камчатки под видом, что идут с снарядами для американской компании. Им надобно зайти: некоторым на Канарские острова, другим в Бразилию, а иным — на мыс Доброй Надежды и там запастись сколько возможно более нужною провизиюю. Те, которые зайдут в Канарские острова и в Бразилию, могут после зайти в порт Джакеин в Новой Голландии²⁹, а с мыса Доброй Надежды могут прямо плыть в Камчатку тем самым трактом, каким шла «Диана», зайти за водою и дровами, буде нужно, в остров Тану³⁰. Путь сей теперь известен, он безопасен и самый ближний и удобный в Камчатку, а кругом мыса Горна неловко покушатся, там дело подвержено сомнению от ветров и бурь, а здесь верно сим путем, все суда могут быть в начале мая следующего года в Петропавловской гавани, имея притом на пути довольно времени для отдохновения.

5-е. В Петропавловской гавани суда могут стоять, исправляться и отдыхать до половины июня. В это время тут ловится очень много рыбы и растет противуцынготная зелень, черемша³¹. К тому же заблаговременно можно предписать, чтоб пригнать туда к сему времени рогатого скота, а в половине июня должны они идти в Охотск, отправив наперед легкое судно с известием, чтоб солдаты были во всей готовности к амбаркированию³², дабы не стоять там на опасном рейде более одних судов.

6-е. Салдат багалиона два должна отправить в Охотск в то лето, когда суда пойдут из Кронштата, с одним только ружьем и легким // багажем, а все тяжелое — на л. 42 судах, при них нужно иметь несколько артиллеристов и хорошаго инженера практического или двух.

7-е. Взяв войска, суда тотчас должны отправится из Охотска и плыть не вместе, а порознь, по удобности. Путь их должен быть вдоль восточнаго берега Сахалина, отнюдь не приходя на вид онаго, а только чтоб вершины гор едва были видны. Пролив между Матмаем и Сахалиным неширок, однако ж можно пройти им, чтоб японцы не увидали, ибо с восточными и юго-восточными ветрами тут бывает туманно, а не то, подойдя к вечеру на вид, в ночь пуститься можно. По крайней мере, всех судов они не увидят, а малое число если и увидят, то это неважно. Пройдя проливом, надобно скорее отдалится от матмайского берега и идти вдоль онаго, чтоб вершины гор едва были видны. Рандеву для всех судов должно быть на самой паралели средины Сангарского^а пролива, в разстоянии от Матмая к весту от 40 до 50 миль; собравшись тут при первом благополучном ветре с западной стороны, все суда должны вместе плыть прямо в Хагададей, да котораго порта с места рандеву при хорошем ветре не более ходу как на десять часов. А по прибытии в Хагададей начинать действовать, как выше я предлагал.

8-е. Надобно заметить, что здесь при ветрах от О до ZO всегда туманы, и потому, идучи с восточной стороны и с хорошим ветром, в порт войти нельзя. При том в Сангарском проливе сильное течение от W почти безпрестанно^в, но при ветрах с западной стороны ясно всегда, притом и ветры сии чаще бывают.

9-е. Весьма нужно, чтобы начальники, как сухопутной, так и морской, были люди смелые и предприимчивые, которых бы число неопытных, слабых и боязливых людей с длинными пиками и стрелами не могли устрашить. Притом инструкции им постарается составить так, чтобы между ими ссоры не случилось, ибо

²⁹ В ркп далее зачеркнуто порт.

³⁰ В ркп далее зачеркнуто берег.

³¹ В ркп вписано над строкой по зачеркнутому всегда.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

весьма часто бывает, что самые верные предприятия не удаются от несогласия начальников, хотя и приписывают неудачу по большей части другим притчинам; а всего бы лутче, чтобы над всею экспедициею был главнокомандующим морской генерал и чтобы он был человек смелый, а притом и не корыстолюбивый, это весьма важно^а. //

л. 43 об. 10-е. Если вместе с императорскими силами будут употреблены суда американской компании, то их надлежит совершенно подчинить военному начальнику, а без таго они наделают столько же пакостей и злодейств, сколько сделали компанейские служители на Алеутских островах и в Америке.

11-е. Приготовление сей экспедиции недешево будет стоить, конечно, но расходы все войною с большим избытком возвратятся. Кроме призов, пленных японцев, чтобы они хлеб даром не ели, можно селить где-нибудь в сибирских губерниях, при рыболовных реках. Искусство ловить и приготавливать рыбу они разумеют совершенно, а притом люди трудолюбивые и смиренные, следовательно, будут очень полезны. Сверх того, есть надежда, что после пяти или шести лет войны японцы опомнятся и сами пожелают мира и дружбы с нами на выгодных для нас условиях. Теперь они говорят, что их законы, как железная пирамида, которую ни время, ничто разрушить не может. Товарищи мои, господа Мур и Хлебников, приводят это в доказательство, сколь невозможно сделать на них впечатление, и считают народ сей как неприступным, так и непобедимым. Но я другаго мнения: какой же народ не считал законов своих неподвижными пирамидами, однако ж все такия пирамиды сдвинуты. Не паклонами, не ласками и не языком слизаны, но силою разрушены. Японцы обязаны за целость своего государства как географическому положению, будучи, так сказать, на краю света, так и потому, что никто из министров больших европейских держав не удосужился настоящим образом обратить на них свое мнение, а принявшись за них немного посерьознее, хоть не можно будет скоро совсем сдвинуть железную их пирамиду, но верно она треснет, и может быть не в одном месте. //

л. 44 Если бы я был в России, то, конечно, не осмелился бы предлагать свои советы правительству, но я теперь в японской тюрьме и надежда возвратиться в Россию едва-едва для меня мелькает. Я житель другага света и со дня на день готовлюсь отправиться в общий всем свет, но люблю свое Отечество и любить до смерти не престану. Величайший мой враг не может мне упрекнуть, чтобы предложения мои происходили от честолюбия, а всякой признаться должен, что одно усердие к государю тому притчиною, а особливо когда принято будет в разсуждение, что со мною вместе содержится офицер, которой ищет случая нас всех погубить и войти в доверенность и милость к японцам. Увидев одну строку здесь написанную, он тотчас вывел бы все наружу, а что японцы сделали бы со мною по прочтении сих бумаг, всякой легко судить может по их содержанию, но я, решась сколько-нибудь быть полезным моему Отечеству, хотя при последнем конце моей жизни, все презираю. //

Августа 15 дня 1813 года в Матмае.

Капитан-лейтенант Василий Головнин.

ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. Д. 1654. Л. 30—44 (Подлинник). Публикуется впервые.

^а В ркп л. 42 об., 43 чистые.

- ¹ *Зайцев Д.М.* Инцидент Хвостова и Давыдова : взгляд из Японии // Вестник ДВО РАН. 2005. № 4. С. 46.
- ² РГА ВМФ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 232–257 ; *Головнин В.М.* Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807–1811 годах / коммент. и вступ. ст. В.А. Дивина М., 1961. С. 7, 28–29.
- ³ *Головнин В.М.* Путешествие на шлюпе «Диана» ... С. 149–150.
- ⁴ Там же. С. 30.
- ⁵ *Дружинин Н.М.* Русские мореплаватели в старой Японии. Л., 1924. С. 9.
- ⁶ *Головнин В.М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе / вступ. ст. В.А. Дивина. Хабаровск, 1972. С. 46–47.
- ⁷ Там же. С. 71.
- ⁸ Там же. С. 171, 181.
- ⁹ *Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX века. М., 1999. С. 171.
- ¹⁰ *Головнин В.М.* Записки флота капитана ... С. 416.
- ¹¹ Там же. С. 414.
- ¹² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 44.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 30.
- ¹⁵ Там же. Л. 31 об., 32.
- ¹⁶ [*Рикорд П.*] Записки флота капитана Рикорда // *Головнин В.М.* Записки флота капитана ... С. 438.
- ¹⁷ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1629. Л. 2, 2 об.
- ¹⁸ *Головнин В.М.* Записки флота капитана ... С. 295.
- ¹⁹ Текст публикуется без сокращений, с сохранением орфографии рукописи, разделен на абзацы, исходя из его содержания. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами. Примечания к тексту обозначаются буквами русского алфавита.
- ²⁰ В русских документах XVIII – начала XIX в. упоминался город и остров Матсмай (Матмай, Матсумай). Город был основан в 1601 г. и стал опорным пунктом японцев при освоении острова, получившего олноименное название. В первой четверти XIX в. стали употреблять название острова Эдзо; с 1868 г. – Хоккайдо, что означает в переводе с японского языка «область в северном море» (остров на севере омывает Охотское море).
- ²¹ Имеется в виду Хакодате – город на юго-западной оконечности острова Хоккайдо. С юга город омывается водами Сангарского пролива, а на западе – водами залива Хакодате.
- ²² Остров Нифон (правильно Ниппон, или Нихон) – официальное название Японии. Европейцы же полагали, что оно относится только к главному острову, который японцы называли Хонсю.
- ²³ Дуля – плодородное дерево, род груши.
- ²⁴ Сарачинская крупа – рис.
- ²⁵ Вероятно, имеется в виду баркас – гребное грузовое судно при кораблях.
- ²⁶ Эдо – столица сегунов. В 1868 г. после ликвидации сегуната резиденция японского императора была перенесена из Киото в Эдо, а город переименован в Токио.
- ²⁷ Тцынгарское княжество находилось на северо-востоке о. Хонсю.
- ²⁸ Карронада – корабельное чугунное тонкостенное орудие, имевшее сравнительно небольшой для своего калибра вес и стрелявшее тяжелыми ядрами с малой скоростью на небольшое расстояние.
- ²⁹ Новая Голландия – прежнее название Австралии, данное материку в честь голландских мореплавателей, открывших его северные, западные и южные части.
- ³⁰ Танна – остров в архипелаге Новые Гебриды в Тихом океане.
- ³¹ Черемша (лук медвежий, дикий чеснок) – многолетнее травянистое растение, обладает бактерицидным и противочинготным действием.
- ³² Амбаркировать – погрузить на судно для транспортировки.